

Глава 1

НЕОЖИДАННЫЙ ПОДАРОК С НЕБЕС

Купол парашюта белел над головой, меня чуть раскачивало на лёгком ветерке. Пересекавшие торс ремни больно сдавливали тело. За спиной висел вещмешок, спереди — второй, на правом боку — ППШ. Похоже, я опускался на лес. Внизу — темнота, вокруг ни зги не видно — ни света, ни костров. Надеюсь, не поломаюсь. Сам не видел, но от бывалых разведчиков слышал рассказы о том, как они находили на деревьях трупы неудачников, насаженных на ветки, как на колья. Такое пусть редко, но случалось. Я надеялся, что моя удача меня не подведёт.

До поверхности оставалось метров сто, когда сработала она — моя удача. Но я это понял чуть позже.

Рядом со мной, освещая ночную мглу, вдруг завис яркий шар размером чуть больше моей головы. Свет резал глаза, и я был вынужден щуриться. Самое интересное, что вместе с шаром замер и я: не мог шевелить телом, только головой. Но говорить мог, и, пользуясь такой возможностью, высказал матерно своё мнение по поводу происходящего.

Я этот шар принял за шаровую молнию, хотя грозы рядом не было. Природа загадочна, поди изучи её. Однако шар завис и заговорил. Нет, шока, к счастью, не было, спасибо моей болезни, а матерился я больше от неожиданности.

Неизвестный говорил мужским голосом, на русском, но с лёгким акцентом:

— Ростислав Бард, внимание. У нас не больше минуты. К вам обращаются сотрудники центра Университета Временного Кольца. Мы используем машину времени, чтобы вам было ясно. Нам нужен специалист в другом мире. Там умирает полковник Богданов, командир тридцатой танковой дивизии четырнадцатого мехкорпуса четвёртой армии Западной области. Он умирает от удара виском об угол стола: поскользнулся во время совещания в штабе. Командиры, находящиеся рядом с ним, пытаются ему помочь, но у них не получится. Нам нужен профессионал, душу которого мы могли бы поместить на место души погибшего полковника. До начала войны — три недели. Задача — по мере своих сил повлиять на ход истории.

— Зачем вам это?

— Социальный эксперимент.

— Вы меня убьёте?

— Нет, внизу — немецкая танковая колонна на отдыхе, семнадцать опытных немецких солдат. Они вас уже видят, и они вас уничтожат. Ваша душа освободится от повреждённого вместилища, а мы перехватим её и вселим в тело полковника. Мы так уже делали, процедура отработана.

— А то, что я в новом теле со старой памятью — это ваша работа?

— Нет, это ваша заслуга. Мы вышли на вас случайно, вы так ярко заявили о себе. Мы ещё продолжаем изучение этой непознанной, загадочной структуры, которой является душа. Но вы не один, перерождаясь, сохранили память. Это редкое явление, но так бывает.

— Генерала Богданова я знаю, отлично вместе поработали в штабе Юго-Западного фронта. Странно, что он погиб.

— В разных мирах жизнь идёт по-разному.

— Ладно, допустим, я согласился. Что мне это даст?

— Оплата?

— Да.

— Что вы хотите? Хотя могу предложить то, что вас заинтересует, все на это соглашаются. Вы знаете, что такое безразмерное хранилище?

— Читал в книгах.

— У нас есть такие. Максимальный размер — две-сти пятьдесят тонн. Приписываются к энергетической оболочке, той самой душе. Содержимое при перерождении сохраняется.

— Беру.

Помимо этого голоса я слышал ещё один, еле уловимый, заметно моложе, который отсчитывал время, оставшееся до закрытия окна — как долго они смогут держать эту территорию. Причём, как я понял, заморозили они только окрестности: я засёк краем глаза, как что-то полыхнуло на горизонте. Значит, время останавливать они не могут, у них какие-то другие разработки.

— Размер хранилища? — уточнил голос.

— Что значит размер?! Максимальный. И два.

— Два нельзя использовать: оба работать не будут.

Управление интуитивное, запускается у всех по-разному: у кого за три дня, у кого и через месяц. У нас шестнадцать секунд. Мы освободим вам правую руку и передадим «зерно», его нужно проглотить. После этого последует ваша гибель, и мы заберём вас.

— Добро.

Мне действительно разморозили руку, и на мою открытую ладонь легла светящаяся таблетка. Ощущая себя Нео из «Матрицы», я сразу проглотил её — словно небольшой кусочек тёплого сливочного масла скользнул по пищеводу. А чего думать? Времени мало, хотели бы убить, давно убили бы, а от такого

подарка не отказываются. Тот же голос пожелал мне удачи.

Тут свечение пропало, и я продолжил спускаться. Сразу вырвал из кобуры пистолет и приготовил его к бою, а в зубы сунул запасной магазин. Странные эти инопланетяне: меня ещё не убили, а они уже договорились, куда мою душу отправлять. После общения с ними я сразу переключился на ожидающий меня бой с немцами, решив, что насчёт самих порталыщиков подумаю позже. Были там несколько моментов, которые меня насторожили.

Итак, семнадцать немчиков... Это не смешно. Я даже вспотеть не успею. Будем бить. Ночь, преимущество как раз у меня. Я очень надеялся, что удача меня не подведёт, она всегда со мной, надо лишь немного ей помочь. Я не хотел уходить из этого мира, если только стариком.

Лес, колонна на отдыхе, да ещё танковая, и ни одного костра. О чём это говорит? Да о том, что лес им как мать родная, а это уже настораживает. Для кого лес может быть неопасным? Для егерей? Да, вполне возможно. Но не для танкистов. Эта колонна меня серьёзно напрягла, но я был совершенно спокоен и готовился к бою. Это всё, о чём я успел подумать: спуск был быстрым.

До самого последнего момента немцы себя не обнаруживали. Я действительно опускался рядом с их стоянкой. Больно хлестнули по лицу еловые лапы; хорошо, что успел закрыть глаза. Я успел подумать о том, какая это радость, что подо мной хвойный лес, и тут по стопам не больно ударила мягкая земля. И почти сразу загорелись четыре ручных фонарика, и в несколько голосов раздались окрики на гортанном немецком:

— Руки вверх!

А теперь бой. Резко развернувшись, я дёрнул левой рукой ремень на груди, освобождаясь от лямок

парашюта, и четыре раза выстрелил. Практически очередью, но для каждого немца с фонариком была своя пуля. Те попадали, а я повёл плечами, скидывая лямки парашютной системы, и шагнул за дерево. Оно тут же затряслось от попадания пуль, и я как раз вовремя упал на старую хвою, иначе достали бы: ствол был тонким. Стреляли по мне, как я определил, один МП и несколько карабинов.

Фонарики, падая, светили во все стороны, но вокруг меня была мёртвая зона, тут было темно. Я открыл огонь по мечущимся у машин теням. Каждому по пуле: не убью, так хоть остановлю. Пистолет у меня был снаряжён не по инструкции: один патрон в стволе и восемь в магазине. Восемь выстрелов — и выкину пустой магазин из рукоятки, а потом подберу и вставлю запасной.

Не взводя затвора (напомню, патрон в стволе), я продолжил вести прицельный огонь. Четыре выстрела — и всё, немцы перестали метаться. Я слышал стоны, сдавленный мат на немецком и как двое взводят затворы своих карабинов, выбивая стреляные гильзы.

Лёжа за деревом, я скинул лямки вещмешков, да и ПППШ тут же оставил, он мне пока не нужен. Раз мне обещали безразмерное хранилище, то, побив немчурку (кстати, что-то маловато их для колонны), может, что-нибудь и приберу. Правда, хранилище не сразу заработает, придётся пока спрятать, но ничего страшного, есть где: тут кругом сплошные леса. Я находился где-то между Великим Новгородом и Вышним Волочком, в зоне наступления армии Петровского.

Помня о трофеях, я стрелял по теням, стараясь не повредить технику. Мне сказали, что колонна танковая, но я рассмотрел в темноте несколько силуэтов грузовиков. Глядишь, пригодятся. К слову, я опустился в пяти метрах от обочины дороги. Там на ветвях до

сих пор купол парашюта белеет. Штурман как будто специально метил, чтобы я тут опустился.

Я по-пластунски ушёл в сторону, ладонью проверяя перед собой дорогу, чтобы что-нибудь подо мной не хрустнуло. Дважды выстрелил на звук, по тем двум, что так громко перезаряжали свои карабины, и тут же откатился в сторону, так как на звук моих выстрелов, в свою очередь, сработал МП, взрывая пулями старую хвою. Он высадил весь магазин, но по мне не попал.

Зато я одиночным выстрелом снял автоматчика. Тут нужно было работать ювелирно, потому я и оставил с вещами свой ППШ. Достав из кармана камуфляжных брюк запасной магазин, второй и последний, я приготовил его. В пистолете оставались два патрона: один — в стволе и один — в магазине. Немцы продолжали палить. Выстрелив в ответ на звук выстрела, я услышал шум падения (брякнул металл о металл), быстро поменял магазины, выстрелил ещё четыре раза и снова сменил позицию, укрывшись за стволом следующего дерева.

И тишина. Слышны только стоны раненых, и всё. А ведь я всех кого нужно поразил, семнадцать человек, я считал. Теперь зачистка. Однако торопиться не стоит. Я извлёк недострелянный магазин и, достав из другого кармана брюк патроны, снарядил ими оба магазина, после чего, снова зарядив своё оружие, скользнул к дороге.

Переползая от ствола к стволу (под ёлками не ходишь: нижние ветви низкие, кое-где руками приходилось поднимать, чтобы проползти), я стрелял на шум. Пять выстрелов — и стоны прекратились. Вот теперь была она, нужная мне мёртвая тишина. Я быстро подобрал все четыре фонарика, три выключил, а с четвёртым обошёл тела. Семнадцать насчитал, убедился, что живых больше нет.

Ну, и стало ясно, почему танки не были использованы в этой схватке. Оказалось, я, когда стрелял по мечущимся теням, первыми поразил танкистов. Все шестеро тут лежали, в чёрных комбинезонах. Четверо, что неудивительно, были в наших советских танкистских шлемофонах, двое других — в пилотках. Я обошёл технику, которой тут было шесть единиц, изучил документы, собранные с тел, и стал разбираться, что за подразделение мне встретилось, потому что состав техники ввёл меня в недоумение.

Танков тут было, три единицы, но все советские. Два Т-40, один с ДШК в башне, а второй — со ШВАК-Т, 20-миллиметровой пушкой. Третьим танком был редкий Т-38М, их и выпустили-то всего десять единиц. Мне нравилось в этом танке то, что машиной может управлять и командир, там дублировано управление.

Автотехники тоже было три единицы. Среди них два однотипных французских бескапотных двухосных и полноприводных грузовика. Мне уже встречалась одна такая машина в сорок первом, очень редкая модель, французы строят их для вермахта. Обе машины сорок первого года выпуска, не особо и потасканные, хотя побегали немало: у одной — тридцать тысяч пробега, у другой — тридцать четыре. Третий грузовик — нестандартный «Опель-Блиц», тоже двухосный и полноприводный. Новенькая машина этого года выпуска.

И вот к какому выводу я пришёл. Была сформирована ягд-команда для борьбы с партизанами или диверсионными группами, ну или несколько, входивших в одно подразделение. В этой группе были и танки, причём советские, вон кресты намалёваны, серой краской броня покрашена. Видимо, одна такая ягд-команда загнала наших куда-то в болото или на остров, где потребовалась именно плавающая бронетехника: как видите, состав довольно ясно на это указывает.

Вот и шла колонна в ту сторону, да ночь их в дороге застала.

Теперь по составу колонны. Шесть танкистов и два шофёра с «французов», плюс офицер, старший колонны, были в форме СС. Это девять человек. Те шестеро, что из третьего грузовика, были миномётчиками из пехотной дивизии, плюс шофёр и командир расчёта — ещё восемь человек. Вообще, у таких ягд-команд свои миномётчики, но тут, видимо, потребовался крупный калибр или, может, не могли дотянуться батальонными (у них вроде дальность — два километра), вот и позаимствовали у пехотинцев этот расчёт.

К прицепному устройству грузовика был присоединён поставленный на колёсный ход советский полковой миномёт калибра 120 миллиметров. В кузове лежали штабеля ящиков с минами, боекомплекта два, не меньше. Хотя нет, полтора примерно. Часть кузова была освобождена для перевозки расчёта, который использовал ящики с минами в качестве лавок. В двух других грузовиках были боеприпасы для трёх танков и топливо к ним, полные кузова. Причём топливо было наше, в бочках: видимо, знали, что их синтетическое быстро запрет наши движки.

Немцы не меняли штатное вооружение танков, как обычно любят это делать, пользовались нашим. Хотя зря я эти бронемшины танками называю. По моей личной градации это танкетки. Всё, что весит меньше десяти тонн, не имеет пушечного вооружения и брони хотя бы 20 миллиметров, — всё это танкетки. Хотя по стандартам РККА это именно танки, лёгкие, но танки.

Однако для меня эти бронемшины идеальны. Экипаж — два человека, но я и один справлюсь. Во всех трёх машинах можно перебираться с места механика-водителя на место командира-стрелка и обратно. Не сразу и не быстро, особенно на Т-40, из-за коробов

с патронами, но возможно. А на Т-38М управление бронемашинной вообще дублировано у командира. Терять эту захваченную технику я не желал категорически, она мне нужна.

Ну а пока начал возиться с телами, снимая с них всё ценное, и продолжал обдумывать ситуацию, в которую попал.

— Гад! — отчётливо разнеслось над дорогой.

Разогнувшись над телом офицера, с которого начал сбор трофеев, я закрутил головой. Сообразив, наконец, что это те порталышки, я поднял средние пальцы обеих рук и сказал:

— Спасибо за подарок.

А после продолжил возиться с трупами. Сначала всех раздел до исподнего, потом по одиночке оттащил их в лес метров на сто пятьдесят, чтобы до дороги не доносилась вонь разложения и трупы не сразу нашли. Там был удобный овражек, заполненный водой: места-то болотистые. Время полпервого, нужно найти укрытие и перегнать туда всю технику, ну а потом ожидать, когда запустится хранилище. Я знал, что оно есть. Не могу описать свои ощущения, но я чувствовал, что то «зёрнышко» начало работу.

Вся эта техника идеально подходила мне как диверсанту. Жаль, мотоциклов не было, что странно, но ничего, ещё добуду. Идея их использования у меня была такая: подбираюсь к месту будущей засады, не выдавая себя шумом движения бронетехники, достаю танк, занимаю место командира и открываю прицельный огонь, а потом сматываюсь на танке, тут уже и пошуметь можно. Возможности открывались просто шикарные.

Петровский сказал, чтобы я набирал тут народ, но нет. Это не степи Украины, где один в поле не воин. Тут леса и болота, и мне комфортно воевать именно одному: так я не засвечу хранилище. Пусть размеры

его небольшие, как раз для личного использования, но я и этому рад, а быть складом для кого-либо я не желал категорически.

Но сейчас пока не до хранилища. Пока я изучал трупы, снимая с них всё, что может мне пригодиться. И если с солдатами СС всё было ясно, то вот миномётчики меня насторожили.

Похоже, командир миномётного расчёта воевал в Африке: к его ранцу в кабине «Опеля» был прирочен ПП Томпсона, «Томми-ган», как его показывают в фильмах про итальянскую мафию в Чикаго тридцатых. Видимо, унтер тоже фильмы смотрел, из-за этого его и прихватил, редкий экземпляр. Дисковый барабан, рукоятка спереди к стволу крепится. В ранце я нашёл два запасных диска и кобуру с кольцом М1911.

А почему я решил, что командир из Африканского корпуса? На кинжале была пальма — тактический знак этого корпуса. Патронов немного, около сотни россыпью. У пистолета и пистолета-пулемёта один боезапас, как у моего личного оружия, удобно. У остальных оружие было штатное. Да и дивизия эта мне известна: я читал сводки, она стоит на левом фланге наступления армии Петровского. Колонна эта ехала от фронта и расположилась на обочине.

А пока стоит описать, что я взял из трофеев кроме бронетехники и грузовиков. С тел я снял восемь пистолетов: шесть — с танкистов, один — с офицера (это был унтерштурмфюрер СС, что соответствовало званию лейтенанта, ниже просто не было) и один — с унтера, командира миномётного расчёта. Теперь у меня было пять вальтеров, три парабеллума и отдельно считаю кольт.

Из пистолетов-пулемётов было пять МП-40 — с офицера, унтера-миномётчика и трёх танкистов: оказалось, что по одному ПП входит в штат броне-

машин. Там, на спинках сидений командиров, висели и подсумки с запасными магазинами к ним. Стоит отметить, что у простых танкистов было по одному подсумку с тремя запасными магазинами, тогда как у офицера и унтера — по два подсумка с тремя магазинами в каждом. Ну и плюс ПП Томпсона.

У шофёров и миномётчиков были карабины Маузера, девять штук. Ручных пулемётов не было, только штатное вооружение танкеток. Всё это я складировал в кузов машины с минами, а также и всю форму, обувь и амуницию. Документы немцев я сложил в планшетку, снятую с офицера, потому что своей у меня не было. Наспех же собирался: приказали — и уже лечу.

Когда закончил с вещами, перетаскал тела. Потом, подсвечивая себе фонариками, сначала одним, пока он не сел, потом вторым, замёл следы срубленными ветками. Свои вещи перенёс в передовую танкетку с автоматической пушкой. Колонна стояла так, что впереди находились два Т-40, потом — все три грузовика, и замыкающим был Т-38М.

Судя по карте офицера, им нужно было проехать ещё километров тридцать, а после свернуть, но куда дальше, неясно. Во всяком случае, куда бы немцы ни катили и против кого ни должны были бы воевать, я надеюсь, что наши смогут отбиться и уйти. Я сейчас находился на трассе, ведущей из Твери на Великий Новгород. Да, я знаю, что сейчас не Тверь, а Калинин, но мне так удобнее. Я даже числюсь за штабом 21-й армии Калининского фронта, которую недавно передали с Западного фронта на Калининский.

Трасса днём должна быть оживлённой, но по ночам тут никто не ездит: боятся немцы. Вот и эсэсовцы, выехав явно позже необходимого, встали переждать тёмное время суток. Причём костёр у них был, я нашёл пепелище. Ужин готовили, а поев, освещали стоянку, но, видимо, когда услышали гул самолё-